

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2

УДК 314.5:314.6:316 | ББК 60.7:60.561.5

© **Шабунова А.А., Калачикова О.Н.**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: КРИЗИС ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: [0000-0002-3467-0921](https://orcid.org/0000-0002-3467-0921); ResearcherID: [E-5968-2012](https://orcid.org/E-5968-2012)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); ResearcherID: [I-9562-2016](https://orcid.org/I-9562-2016)

Демографическая ситуация в России характеризуется очередным снижением рождаемости, сохранением относительно высокой смертности и старением населения. За период многолетних исследований детерминант воспроизводства населения определен ключевой актор, функционирование которого воздействует на все демографические процессы и воспроизводство человеческого потенциала, – семья. Параметры института семьи непосредственно влияют на выполняемые им функции, поэтому так важно понимать и регулировать трансформации, происходящие в брачно-семейной сфере. В статье проведен анализ трех видов семейных отношений: супружество, родительство и родство. На данных российских исследований и авторского мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области выявлены признаки девальвации института брака, обусловленные утратой им эксклюзивного права на интимность и деторождение. Ключевые тренды брачного поведения – широкое распространение «пробных» сожительства среди молодежи и откладывание регистрации супружеского союза. Регистрация детей по совместному заявлению родителей способствует отделению супружества от родительства, отрицая брак как основу семьи и условие для рождения и воспитания детей. Общественное мнение лояльно к деторождению вне брака; как среди мужчин, так и среди женщин растет доля не считающих обязательным регистрировать отношения в случае

беременности и рождения ребенка. Вместе с тем явно оформился запрос на вовлеченное отцовство и эгалитарность в распределении семейных обязанностей, а также фиксируется зарождение тренда на запланированную осознанную многодетность. Что касается нуклеаризации, функциональные связи с родительской семьей сохраняются, приоритет смещается в сторону финансовой поддержки взрослых детей. В качестве ключевых приоритетов демографической политики определены рост престижа официального брака, дающего социально-экономические преимущества по сравнению с одиноким проживанием или сожительством, внедрение концептов родительского и прародительского труда, в первую очередь для многодетных многопоколенных семей, калибровка информационных потоков, определяющих образ семьи, родительства, образ жизни в общественном сознании.

Семья, брак, родительство, нуклеаризация семьи, институт семьи, девальвация брака.

Введение

Кризис семьи, стратегически проблемным последствием которого стало снижение рождаемости населения, привел к повышению внимания со стороны исследователей и государства к регуляции семейной сферы. Параметры института семьи влияют на выполняемые им функции, поэтому так важно понимать и регулировать трансформации, происходящие в брачно-семейной сфере. Знаменательно, что в последние четыре года формируется и закрепляется государственная позиция в отношении российской семьи. Введена и поддержана гражданами поправка в статью 72 Конституции РФ, которая закрепляет понятие брака как союза мужчины и женщины, определяя супружескую пару как основу семьи, ключевой функцией которой является рождение и воспитание детей. В основном документе страны – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации – в числе приоритетов особое внимание уделено поддержке семьи, материнства, отцовства и детства именно в связи с задачей повышения рождаемости. Указ № 809 от 9 ноября 2022 года определяет Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в числе которых крепкая семья. В контексте активного формирования общественного запроса на полную благополучную семью с детьми, желательную многодетную и многопоколенную, возникает вопрос об оценке стартовых условий желаемых изменений. Выявление «образа», оценка па-

раметров современной российской семьи с точки зрения успешности выполнения ею репродуктивной функции для обеспечения воспроизводства населения составили цель исследования.

Кризис или эволюция: теоретико-методологические аспекты исследования института семьи

Определяя теоретическую рамку исследования, важно обозначить дефиницию семьи. Признанным и классическим в российском фамилистическом дискурсе является определение А.Г. Харчева: семья – малая группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения (Харчев, 1964). В рамках такого подхода подчеркивается роль семьи в воспроизводстве населения, человеческого потенциала, что определяет особое отношение к данному социальному институту как главному актору физического воспроизводства населения и социальной структуры общества.

В западной школе социологии встречается другой принцип обоснования объединения людей в семью через функцию получения поддержки. Э. Гидденс дает следующее определение: «Семья – это ячейка общества, состоящая из людей, которые поддерживают друг друга социально, экономически или психологически либо идентифицируют друг друга как поддерживающую ячейку»

(Гидденс, Саттон, 2018). Этот подход отрицает превалирующую роль родственных связей, актуализирует групповую самоидентификацию («свой – чужой»).

Существуют исключения, когда кровное родство не является главным при установлении родственных связей. В первую очередь речь идет об усыновленных детях, и в ряде определений встречается четкое указание на возможность считать семьей некровных родственников. Например: «Семья – это социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей. Синонимом к семейным узам выступает родство – социальная связь, основанная на кровных, брачных узлах или установленная в результате усыновления или удочерения»¹.

А.И. Антонов выделяет три типа отношений, которые определяют семью: «Семья – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узлами супружества – родительства – родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи»². Тем самым подчеркивается роль супружеской пары, формирующей семейную ячейку, ее связь с другими поколениями (старшим, родителей и младшим – детей), наличие детей как признак семьи и второй тип отношений – детско-родительских, связи нуклеарной семьи с другими родственниками, в частности с родителями супругов. Ключевая функция семьи для общества – воспроизводство населения и социальной структуры, культуры общества, для индивидов – самообеспечение функционирования семейной группы.

Для российской семьи характерно понимание родства, обретаемого либо кровно, либо через супружество, как легитимного основания для получения поддержки родственников, с одной стороны, и принятия традиций и норм этой семейной группы –

с другой. Традиционно жена переходит в род мужа, а дети, не связанные кровными узлами с родителем или обоими родителями, проходят процедуру усыновления, то есть вводятся в семью, обретая статус сына или дочери. Изменение социального статуса сопровождается не только нормативными процедурами регистрации актов гражданского состояния, но и соответствующими обрядами: свадьбой (Гура, 2011), крещением, имянаречением (Поповичева, 2014) и т. д., которые сохраняют и транслируют от поколения к поколению смыслы, вкладываемые в понятие «семья», «брак», «родительство» и «родство». Таким образом, брак является легитимным основанием формирования новой семейной ячейки, дающим право на ведение самостоятельного хозяйства, рождение детей, брак регулирует права супругов и детей наследовать супругу и родителям после их смерти. Права внебрачных детей не так давно стали защищаться законом, что и делало брак не просто желательным, но обязательным для обеспечения экономических прав и социального статуса детей.

В историческом контексте нормы брачного поведения и деторождения менялись. А.Б. Синельников рассматривает этапы трансформации семейных отношений по типу детности, отношению к браку и разводу, нуклеаризации. Каждая из характеристик проходит четыре этапа. Тип детности меняется от многодетного через среднететный и малодетный к добровольной бездетности. Брак, заключаемый по воле родителей (сговору), смягчается учетом мнения будущих супругов, затем согласие родителей уже не требуется, на четвертом этапе закрепляется свобода выбора между браком и безбрачием. Отношение к разводу также трансформируется в сторону личного выбора: от абсолютной недопустимости к традиционному разводу в случае наличия особых обстоятельств (например, бесплодие одного из супругов или измена), к разводу – крушению и разводу – подтверждению, который может состояться вообще без объяснения причин.

¹ Масионис Д. (2004). Социология. Санкт-Петербург: Питер. 9-е изд. 752 с.

² Антонов А.И. (2005). Микросоциология семьи: учебник. Москва: ИНФРА-М. 368 с.

Нуклеаризация проходит следующие этапы: расширенная разветвленная семья; частичная нуклеаризация по модели расширенной одноветвевой семьи (главная линия) плюс отделившиеся от нее нуклеарные семьи (боковые линии); полная территориальная нуклеаризация с сохранением взаимопомощи между нуклеарными семьями, входящими в семейную группу; полная функциональная нуклеаризация семей (Синельников, 2006). В целом можно проследить смену приоритета общественных интересов на свободу индивидуального выбора.

Как оценить происходящие изменения семейных отношений? В российской демографической науке известна довольно острая полемика между сторонниками двух парадигм – «кризиса семьи» и «модернизации семьи». Первые отстаивают важность сохранения и укрепления семьи, выполняющей функцию воспроизводства населения, необходимость активной демографической политики (Синельников, 2018; Синельников, 2019; Синельников, 2021), вторые – неизбежную эволюционность социальных норм, в том числе в семейных отношениях (Вишневский, 2019). На наш взгляд, при неизбежности трансформации социальных систем вопрос о рисках или выгодах происходящих изменений может решаться по-разному в зависимости от уровня их проявления и субъекта оценки. Депопуляция несет риски национальной безопасности, суверенности страны, старение населения влечет значимые изменения в структуре потребностей общества, проявляя интересы еще одного «меньшинства», уже далеко не малочисленного (доля пожилых людей достигла 22%), происходит смена технологического уклада, смена моноцентрической модели мира многоцентричной, и на позиции стран в новой системе значимо влияют демографические процессы (Балацкий, Екимова, 2023). В этих условиях усиливается внимание к «качеству населения» – человеческому капиталу (Локосов, 2023), в формировании которого первостепенную роль играет институт семьи. Новый виток семейно-

демографической политики, в том числе поправки в Конституцию, Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809, призванный укрепить традиционные российские ценности, выделение отдельного национального проекта «Семья», свидетельствует о сформировавшемся государственном курсе на поддержку семьи, заинтересованности государства в благополучной, здоровой и многодетной семье.

Информационную базу составили официальные статистические данные о демографических процессах, результаты ряда социологических исследований, методология которых была разработана с участием авторов для выявления особенностей брачно-семейного поведения населения: мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области (объем выборки – 1500 чел. репродуктивного возраста, выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения, проводится с 2005 года, в исследовании использованы данные волн 2019 и 2023 гг.), межрегиональное исследование «Демографическое самочувствие регионов России» (объем выборки – 5616 чел., в исследовании участвовали десять регионов России: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область), а также данные Выборочного исследования репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2012, 2017 и 2022 гг., и выборочного обследования «Семья и рождаемость» (Росстат, 2009 год). Логика исследования выстроена исходя из вышеобозначенных трех ключевых типов отношений, которые реализуются в семье и регулируются институтами брака, родительства и межпоколенных отношений. Опуская привычные и констатирующие данные демографической статистики, остановимся на анализе ключевых черт, характеризующих брачно-семейное поведение в контексте критического осмысления их влияния на воспроизводство населения и человеческий капитал.

Результаты исследования

Институт брака как союза мужчины и женщины в России защищен Конституцией (статья 72). Данная поправка, принятая в 2020 году, нормативно закрепляет невозможность иных супружеских отношений, во всяком случае в легитимном поле. Это вполне логичный шаг, так как брачность и рождаемость – тесно коррелирующие процессы. Почти 80% детей рождается в браке, предпочитающие официальный брак (по данным мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, это почти 70% населения репродуктивного возраста) предполагают большую детность. Однако наблюдаются признаки девальвации брака. Во-первых, неустойчивость союзов: по данным на 2022 год в стране на 1000 браков приходилось 653 развода (рис.). Региональный показатель выше – в Вологодской области на 1000 свадеб пришлось 703 случая расторжения брака.

Высокий уровень разводов – опасная тенденция. Только около 30% женщин и 40% мужчин вступают в повторный брак, а это потеря демографического потенциала. Кроме того, последствия развода для самих экс-супругов (Kalmijn, 2005) и для детей могут иметь весьма негативный характер, в том числе откладывание или отказ от создания семьи, «наследование» такой же линии брачного поведения, т.е. «склонность» к разводу (Amato, 1996; Amato, 2000; Umberson, Thomeer, 2020).

Во-вторых, среди живущих с партнером довольно высока доля сожительствующих:

по данным переписей населения, в России в 2002 году она составляла 9,7%, в 2010 году – 13,0%, в 2020 году снизилась до 9%. Причем сожительства явно носят характер «репетиции» будущих браков, поскольку более распространены среди молодежи. Среди молодых людей до 25 лет, состоящих в отношениях, 41% девушек и 56% молодых мужчин сожительствуют (табл. 1).

Таблица 1. Доля состоящих в незарегистрированном браке, % от числа состоящих в браке, зарегистрированном или нет

Возраст, лет	Женщины	Мужчины
До 25	41,25	56,04
25–29	23,71	27,33
30–34	12,66	21,59
35–39	11,71	12,76
40 и старше	12,47	10,33

Источник: Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2022 году (табл. 5) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html

Причины девальвации брака кроются в трансформации социальных норм, регулирующих брачно-семейную сферу.

1. Брак утратил эксклюзивное право на интимность. В современном мире для фактического начала супружеской жизни не обязательно вступать в брак. В браках, заключенных до 1990-х гг., супружеские отношения более чем в 70% начинались с регистрации отношений в органах ЗАГС (табл. 2), интервал между началом супружеских от-

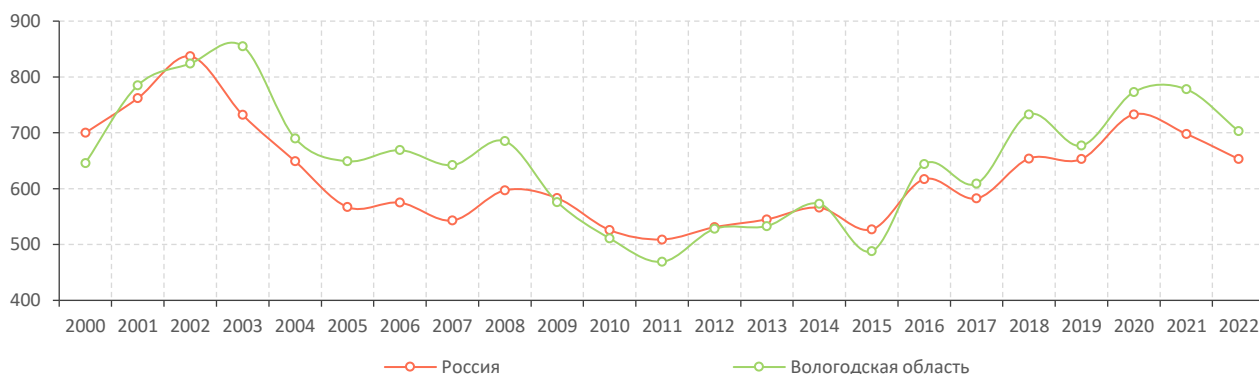

Рис. Число разводов на 1000 браков

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru>

Таблица 2. Доля браков, начавшихся с регистрации, и средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией

Год вступления в данный брак	Доля браков, начавшихся с регистрации, %				Средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией по тем бракам, где регистрация откладывалась, мес.			
	первый брак		повторный брак		первый брак		повторный брак	
	жены	мужья	жены	мужья	жены	мужья	жены	мужья
До 1990	71,6	77,6	11,3	8,6
1990–1994	68,0	69,3	26,0	25,6
1995–1999	66,7	64,1	20,0	33,3	27,0	26,0
2000–2004	57,1	56,9	6,7	11,1	30,0	27,9	31,2	40,6
2005–2009	49,5	49,0	25,0	52,9	11,4	11,3	10,1	...

Источник: Выборочное обследование «Семья и рождаемость» (2009) // Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/2010/family.htm
n = 1999 чел.

Таблица 3. Рождаемость в зависимости от брачного состояния в РФ, %

Год	Родившиеся живыми, чел.	В том числе			
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака	из них зарегистрированные	
				по совместному заявлению родителей	по заявлению матери
1970	1903713	89,4	10,6	41,0	59,0
1980	2202779	89,2	10,8	38,2	61,8
1990	1988858	85,4	14,6	42,8	57,2
2000	1266800	72,0	28,0	47,2	52,8
2005	1457376	70,0	30,0	45,9	54,1
2010	1788948	75,1	24,9	44,8	55,2
2015	1940579	78,2	21,6	51,8	48,2
2016	1888729	78,8	21,1	52,9	47,1
2017	1690307	78,7	21,2	54,1	45,9
2018	1604344	78,2	21,2	50,7	49,3
2019	1481074	78,6	20,9	51,9	48,1
2020	1436514	78,3	21,7	52,2	47,8
2021	1398253	78,0	22,0	52,5	47,5
2022	1304087	77,2	22,8	52,3	47,7

Источник: Демографический ежегодник Российской Федерации // Росстат.

ношений и регистрацией брака составлял в среднем около года, а в 90-е – начале 2000-х гг. он приближался к трем годам.

Толерантность к внебрачным сексуальным отношениям, смене партнеров – норма сегодняшнего дня. У 60% молодых людей сексуальный дебют состоялся до совершеннолетия; 58% мужчин и 40% женщин имели трех и более партнеров с начала сексуальной жизни; 54% мужчин и 30% женщин считают возможным иметь связь с более чем од-

ним сексуальным партнером одновременно. Напомним, что супружеская измена – одна из самых главных причин разводов.

2. Брак утратил эксклюзивное право на деторождение. Деторождение вне брака – легитимная практика. По данным на 2022 год, 22,8% детей родились у матерей, не состоящих в браке (табл. 3). Вместе с тем в более чем половине случаев дети зарегистрированы по совместному заявлению родителей, отцовство признается. Это может свиде-

тельствовать, что фактически союз есть, но не зарегистрирован, либо о том, что один из родителей (чаще мужчина) не желает брать на себя ответственность за семью, за супруга, ограничивая свое участие в воспитании ребенка. Немаловажно, что наличие такой легитимной нормы официально позволяет отделить родительство от супружества.

В сознании людей брак теряет свою необходимость для рождения детей. Среди мужчин и женщин растет доля не считающих обязательным регистрировать отношения в случае беременности и рождения ребенка. По данным обследования репродуктивных планов населения Росстата, в 2022 году доля ориентированных на легитимный брак в случае беременности и при рождении ребенка выросла, а при отсутствии беременности жениться намерены только 12% мужчин и 20% женщин (табл. 4).

Данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области подтверждают эту тенденцию: согласны с тем, что регистрировать брак для создания семьи не обязательно, 33% опрошенных (противоположного мнения придерживается 41%), с тем, что для рождения и воспитания ребенка не обязательно вступать в брак – 34% (согласны с тем, что регистрация брака обязательна для рождения и воспитания детей, 45%), с тем, что развод – это нормально, сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит – 44,2% (37,7% считают, что развод – это разрушение

семьи и нужно стараться сохранить брак). Ярко выраженных различий по данным вопросам не выявлено ни в гендерном, ни в возрастном разрезе.

Девальвация легитимного брака, отделение супружества от родительства весьма опасны с точки зрения прочности союзов, необходимой для реализации репродуктивных намерений, напрямую влияющих на рождаемость населения.

Еще один важнейший вектор трансформации супружеских отношений – восприятие ролей и распределение семейных обязанностей. Уже на уровне представлений о проекциях социальной роли мужа и жены и сопоставления их с реальностью наблюдается противоречие: attitudes сохраняют патриархальные черты, фактически же женщины часто выполняют функции главы семьи и материально ее обеспечивают (табл. 5). Вероятно, в этом противоречии зарождается обесценивание мужчины в брачном союзе, недооценка его функционала, что может провоцировать разводы. Однако последняя волна мониторинга (2023 год) демонстрирует сглаживание различий и большую определенность по позиции мужей. Это результат отклика на оформившуюся государственную позицию в семейной политике, повышения внимания к семье, понятного и поддержанного курса на укрепление традиционных российских ценностей.

Таблица 4. Условия регистрации брака

Год	Условие	Да, обязательно		Да, желательно		Нет		Трудно сказать	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
2012	При отсутствии беременности	18,8	20,0	18,6	23,7	39,8	34,0	22,8	22,4
	В случае беременности	34,7	36,4	19,0	23,7	28,7	26,2	17,6	13,7
	При рождении ребенка	44,6	45,1	13,7	19,6	26,1	21,4	15,6	13,9
2017	При отсутствии беременности	18,1	16,4	21,6	24,4	41,7	38,5	18,5	20,7
	В случае беременности	31,8	30,9	21,7	25,8	33,3	29,1	13,2	14,1
	При рождении ребенка	38,0	35,8	14,5	19,5	33,1	28,9	14,4	15,8
2022	При отсутствии беременности	12,72	18,94	27,70	29,74	47,06	39,15	12,53	12,17
	В случае беременности	35,65	40,10	24,00	27,40	32,82	26,07	7,54	6,43
	При рождении ребенка	44,85	45,95	17,04	23,18	30,19	25,09	7,92	5,78

Источник: Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012, 2017, 2022 гг. (табл. 11, 12) // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect

В среднем большая часть семейных обязанностей выполняется супругами совместно, что особенно важно, это касается материального обеспечения семьи (табл. 6).

Вместе с тем распределение домашних дел имеет патриархальные черты: в зоне мужской ответственности – различный бытовой ремонт, преимущественно на женах лежит ежедневный рутинный труд: приготовление пищи, уборка, стирка и глажение белья, выполнение домашних заданий с детьми.

Особенное отношение наблюдается к распределению обязанностей в молодых семьях. В период становления семьи устанавливаются правила совместной жизни, согласовываются взгляды на организацию быта, что очень важно, поскольку супруги имеют разный опыт и пример родительских семей. Нужно отметить, что в молодых семьях обязанности между супругами распределя-

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Укажите, какие роли в браке, на Ваш взгляд, должны выполнять супруги и какие выполняют в реальности», % от числа опрошенных

Роль	Жена должна выполнять роль....		Жена выполняет роль...	
	2019 год	2023 год	2019 год	2023 год
матери	88,1	88,1	87,8	87,2
сексуального партнера	81,8	85,3	81,3	80,9
хранительницы «очага»	79,1	80,1	79,1	78,6
хозяйки	78,4	76,5	78,9	71,6
главы семьи	19,1	32,1	54,7	31,1
добытчицы	20,9	31,6	58,5	31,2
друга	57,5	65,2	59,2	58,2
Другое	1,2	0,7	2,2	0,5
Роль	Муж должен выполнять роль....		Муж выполняет роль...	
	2019 год	2023 год	2019 год	2023 год
отца	65,4	85,7	83,4	84,8
сексуального партнера	60,7	85,6	81,4	80,2
защитника	62,2	78,2	76,6	73,5
хозяина	56,9	72,6	71,8	70,9
главы семьи	42,9	78,7	75,2	73,0
добытчика	45,2	77,9	78,3	75,4
друга	43,1	66,0	59,0	61,0
Другое	1,0	0,1	1,7	0,5

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала, n = 1500, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Таблица 6. Распределение обязанностей в семье, 2023 год, в гендерном разрезе, % от состоящих в браке

Функция	Кто выполняет	Мужчины	Женщины	В среднем
Распределение семейного бюджета	Муж	16,5	10,9	13,7
	Жена	18,9	25,4	22,1
	Совместно	64,7	63,7	64,2
Уход за детьми и их воспитание	Муж	4,9	7,7	6,3
	Жена	34,2	27,5	30,8
	Совместно	60,9	64,8	62,9
Материальное обеспечение семьи	Муж	27,4	24,9	26,2
	Жена	14,1	6,2	10,1
	Совместно	58,5	69,0	63,7
Организация семейного досуга (отдых, развлечения)	Муж	8,9	8,3	8,6
	Жена	27,6	24,4	26,0
	Совместно	63,5	67,3	65,4
Забота о здоровье и благополучии членов семьи	Муж	8,9	7,9	8,4
	Жена	36,7	34,8	35,7
	Совместно	54,4	57,4	55,9
Обеспечение психологического комфорта	Муж	9,4	8,3	8,8
	Жена	33,8	34,6	34,2
	Совместно	56,8	57,1	57,0
Выполнение домашнего задания совместно с детьми	Муж	8,3	6,8	7,5
	Жена	42,2	40,4	41,3
	Совместно	49,5	52,8	51,2
Поддержание родственных связей	Муж	9,1	6,7	7,9
	Жена	19,9	14,3	17,1
	Совместно	71,0	79,1	75,1
Покупка продуктов и прочих товаров	Муж	12,5	11,4	11,9
	Жена	27,8	21,8	24,8
	Совместно	59,7	66,8	63,3
Приготовление пищи	Муж	8,4	9,7	9,0
	Жена	57,2	50,9	54,0
	Совместно	34,4	39,3	36,9
Уборка	Муж	9,9	10,0	9,9
	Жена	58,3	55,2	56,8
	Совместно	31,8	34,8	33,3
Стирка и глажение белья	Муж	7,9	11,1	9,5
	Жена	76,7	66,1	71,4
	Совместно	15,3	22,7	19,1
Работы по ремонту дома, бытовой техники и прочего	Муж	71,8	68,4	70,1
	Жена	8,4	8,8	8,6
	Совместно	19,9	22,8	21,3
Вывоз мусора	Муж	42,5	38,2	40,3
	Жена	13,3	10,0	11,7
	Совместно	44,2	51,8	48,0

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала, n = 1500, ФГБУН ВолНЦ РАН.

ются более равномерно, молодые мужчины чаще готовят еду и занимаются с детьми. В исследовании брачно-семейных установок молодежи, проведенном Е.В. Змановской и Т.Е. Карташовой, «получены значимые расхождения между идеальным и реальным образом партнера, что свидетельствует о высоком уровне скрытой неудовлетворенности, о конфликтном отношении молодых супругов друг к другу на фоне взаимного разочарования. Несоответствие ожиданий мужчин и притязаний женщин связано с более высоким стремлением последних реализоваться в профессии, чем хотелось бы мужчинам. Мужчины недостаточно участвуют в родительских функциях и мало эмоционально поддерживают жен. При этом женщины настроены на то, что мужчина должен быть социально успешнее» (Змановская, Карташова, 2011).

В целом 52% респондентов согласны с тем, что женщина, как и мужчина, должна принимать участие в материальном обеспечении семьи, не согласны только 11%, при этом 52% полагают, что главные обязанности женщин в семье – забота о детях и ведение домашнего хозяйства (несогласных с данным утверждением заметно больше среди молодых людей). Согласны с тем, что мужчина должен заниматься бытовыми вопросами и воспитанием детей наравне с женщиной, 57,9%, причем среди женщин 48,8%, а среди мужчин 66,9%. То есть материнство пока еще провоцирует высокую зависимость благополучия женщины в период беременности и ухода за младенцем от мужчины. При этом мужчины готовы больше участвовать в жизни детей, в бытовых функциях обеспечения семьи. В то же время заметно ниже готовность женщин доверить уход за детьми и их воспитание мужьям.

Анализ субъективной оценки удовлетворенности браком и вероятности развода заметно ниже в парах, отношения которых выстроены на условиях равенства и «взаимозаменяемости», совместного выполнения всех семейных обязанностей, что позволяет только приветствовать переход

к эгалитарной модели гендерного сознания как проявление саморегуляции противоречия «культурного» и «социального» (представлений и реальных условий) в определении социальных ролей мужа и жены.

На наш взгляд, не стоит абсолютизировать роль мужа до защитника, добытчика, главы семьи, функционал которого находится преимущественно «во внешнем контуре», за пределами внутренних семейных дел. В современных условиях патриархальная модель семьи подходит не всем, хотя, несомненно, может быть успешно реализована при устойчивости предпочтений именно такого распределения ролей и обязанностей в семье обоими супругами. При равном участии мужа и жены в профессиональной деятельности и материальном обеспечении семьи важен баланс в распределении других семейных функций. И при вариативности, гибридности образцов организации семейной жизни актуальнейшая задача института семьи – внедрить этап согласования представлений желаемого будущего новой семьи как важнейший элемент периода ухаживания.

Второй тип отношений в семье – детско-родительские. В настоящее время ценность материнства и отцовства высока – она входит в тройку наиболее важных жизненных ценностей 70% женщин и 65% мужчин. Современный тренд родительства – запрос на вовлеченное отцовство: «новые отцы» начали осознавать свою непосредственную ответственность за своих детей и то, что отцовское поведение отражается на формировании личности ребенка. Отцы все чаще берут на себя ответственность за нравственное и интеллектуальное воспитание детей. Для мужчин дети перестают быть «обузой», становятся важной ценностью в жизни (Ильдарханова, 2021). Для этого существуют объективные основания: тесные детско-родительские связи позитивно сказываются на здоровье и социализации детей (Попрядухина, Бубчикова, 2018; Chen et al., 2017; Umberson, Thomeer, 2020). По данным,

полученным в рамках исследования генеративного поведения мужчин³, выявлены ключевые черты ответственного родительства. Мужчины говорят о полной ответственности за жизнь ребенка, об обеспечении условий для взросления и самостоятельности ребенка, о том, что нужно быть примером для детей. Для этого необходимо тратить много времени на воспитание, быть в курсе событий жизни ребенка, и, что весьма важно, изменить свой образ жизни, самому стать взрослым и взять ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь своих детей. Вполне вероятно, что именно трудности и усилия, необходимые для успешной реализации отцовства, обуславливают в среднем меньшую долю мужчин, ориентированных на заключение брака, меньшее число детей, откладывание создания семьи на более старший возраст. Так, средний возраст невест с середины 1990-х гг. вырос почти на 7 лет (с 18,6 до 25,3 года), женихов – на 4,6 года, до 27,4 года.

Солидарная ответственность родителей за воспитание детей, равная заинтересованность и вовлеченность в воспитательный процесс, взаимозаменяемость в выполнении семейных обязанностей представляются перспективными для снятия неудовлетворенности и женщин, и мужчин браком, уменьшения излишней нагрузки и для профилактики «иждивенческой» позиции.

Еще одна тенденция родительства связана с ростом распространенности благополучной многодетности. И.В. Павлюткин и М.А. Голева выделяют «случайный» и «планируемый» переходы к многодетности, для которых характерны, как правило, третьи, максимум четвертые рождения в единственном браке. В первом типе рождение происходит неожиданно, во втором – ожидаемо. Тем не менее общей оказывается логика взвешенного, ответственного отношения к рождению детей, которая, впрочем, предъясняется и в качестве аргумента в пользу остановки рождений (Павлюткин, Голева, 2020). Кроме того,

названный авторами «формальный» тип перехода, стимулируемый новым браком, к рождению совместных детей в новом союзе тоже отчасти можно считать сознательным решением родителей в пользу увеличения детности семьи.

Разумеется, риски бедности, социальной эксклюзии многодетных семей сохраняются. Это обусловлено как объективными причинами (высокая иждивенческая нагрузка), так и стереотипизацией группы. Е.О. Смолева выделила следующие стратегии выхода многодетных семей из социальной эксклюзии: одни семьи постоянно говорят о своих проблемах и просят помощи у государства и общественных организаций, другие избегают общения, третьи активно решают свои проблемы, объединяются (Смолева, 2019). Оценки масштабов «активной» части многодетных семей разнятся от 10 до 40%, тем не менее осознанная многодетность в благополучных семьях уже далеко не редкость, и очень важно поддержать этот тренд.

Третий вид отношений в семье – родство – связан с нуклеаризацией семьи, в первую очередь с межпоколенным взаимодействием.

По данным межрегионального исследования «Демографическое самочувствие регионов России», у 22% россиян есть дети, проживающие отдельно, и они в той или иной форме помогают родителям. Формы помощи чаще всего нефинансового характера (хотя и такие варианты тоже не редки – 21%). Дети помогают советами (56%), по хозяйству и на даче (50%), ухаживают во время болезни (33%), покупают продукты и вещи, оплачивают жилье (19, 14 и 10% соответственно). Причем последние три позиции не обязательно осуществляются за счет детей, это может быть помощь в совершении действий. Трансферты от родителей к детям распространены чаще, и в этих потоках преобладают советы (67%) и финансы (66%). Треть родителей помогают продуктами и в воспитании внуков, покупают вещи, 20% оплачивают жилье (Демографическое развитие...).

³ Проект РФФИ 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ» (сравнительный анализ, руководитель – д-р социол. наук Ч.И. Ильдарханова). Проведено 40 углубленных интервью с мужчинами.

Следовательно, функциональные связи между родительской семьей и семьей детей сохраняются и играют важную роль в жизни россиян.

Переход от многопоколенной семьи к нуклеарной привел к перераспределению нагрузки. В трехпоколенной семье забота о детях лежала преимущественно на прародителях, родители обеспечивали семью материально. К моменту прародительства люди усвоили опыт воспитания дважды: когда сами были объектом воспитания и когда их детей вместе с ними воспитывали бабушки и дедушки. При двухпоколенной модели семьи родители должны совмещать материальное обеспечение семьи и воспитание детей без полномасштабной поддержки. Это приводит к дефициту ресурсов, в том числе временных. По разным оценкам, у современных работающих родителей продуктивное время на детей составляет от 6 минут до 5 часов в день (Короленко, Калачикова, 2019). По данным ВЦИОМ, дети испытывают дефицит общения со взрослыми. При этом подавляющее большинство россиян убеждены: самое главное для счастливого детства – чтобы родители проводили время с ребенком (76%)⁴. В то же время существует и проблема нехватки у родителей компетенций для воспитания детей. Эти обстоятельства наряду с другими способствуют распространению малодетности, в связи с чем стоит всерьез рассматривать потенциал прародительского труда, представленный в исследованиях коллектива под руководством А.П. Багировой (Багирова и др., 2022).

Заключение

Институт семьи в современной России сохраняет ведущие позиции в ценностном поле людей, продолжает выполнять функции воспроизводства человеческого капитала. Наблюдаемые признаки девальвации официального брака вызваны утратой им эксклюзивного права на интимность и деторождение, что спровоцировано в том числе легитимацией сожительства и внебрачных рождений, позволивших разделить супруже-

ство и родительство. В семейно-статусных отношениях наблюдается противоречивость патриархальных аттитудов и эгалитарных практик, перспективность которых обусловлена большей устойчивостью брачных союзов и готовностью мужчин к их реализации. В совокупности с оформившимся запросом на вовлеченное отцовство исследования показывают вероятность повышения рождаемости при становлении эгалитарной модели семьи (Ильдарханова, 2021). Несомненно, с точки зрения невыполнения главной функции – репродуктивной – семья переживает кризис. Однако те общественные трансформации, к которым семья была вынуждена адаптироваться, в широком смысле эволюционны. Эгалитарная модель семьи, как и модель с согласованным (договорным) четким разделением функций между супругами (где один берет на себя материальное обеспечение семьи, второй – ведение хозяйства и воспитание детей, причем выбор функционала осуществляется исходя из целесообразности и выгоды для семьи, а не по гендерному признаку), является вариантом активных стратегий обеспечения благополучия семей, особенно многодетных.

В рекомендательном плане весьма важным направлением работы выступает укрепление социальных позиций официального брака, что требует развития социально-психологической поддержки в сфере семейных отношений с параллельным налаживанием мониторинга причин разводов и семейных конфликтов. Второе направление – образовательная и просветительская деятельность через систему образования, культуры, структур гражданского общества, с активным включением в работу органов ЗАГС, которые постепенно расширяют свои функции в части просветительно-консультативной деятельности.

Среди нормативных инструментов перспективным видится изменение процедуры развода с включением в алгоритм оказания этой государственной услуги предразводного консультирования. Еще один инструмент

⁴ Ответственные держатели счастья: паттерны поведения современных родителей. URL: <https://wciom.ru/expertise/otvetstvennye-derzhateli-schastja-patterny-povedeniya-sovremennykh-roditelei>

повышения престижа легитимного союза – официальный брак должен стать обязательным условием для получения права супружеской пары на участие в программах поддержки семьи.

Актуализация потенциала многопоколенной семьи возможна при внедрении концепции родительского и прародительского труда. Вполне вероятно, на первых этапах будет эффективна ее апробация на многодетных семьях, что позволит улучшить

положение данной группы и повысить ее престиж.

В сложившихся условиях видится весьма своевременной активизация государственной семейной политики, в т. ч. повышение внимания к укреплению традиционных ценностей и всемерная поддержка российской семьи. В последние пять лет предприняты стратегические шаги по определению курса семейно-демографической политики, которые уже дают результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Ворошилова А.И. [и др.] (2022). Прародительский труд как ресурс российской демографической политики: оценки, прогнозы, возможности реализации / под общ. ред. А.П. Багировой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 210 с.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2023). Определение региональных очагов потенциальной геополитической активности на основе демографического эффекта масштаба // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 138–154.
- Вишневский А.Г. (2019). Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. Т. 25. № 4. С. 93–104.
- Гидденс Э., Саттон Ф. (2018). Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; под науч. ред. С. Гавриленко. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- Гура А.В. (2011). Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. Москва: Индрик. 936 с.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности (2022): монография / отв. ред. Т.К. Ростовская. Москва: Проспект. 264 с.
- Змановская Е.В., Карташова Т.Е. (2011). Структура и содержание брачно-семейных установок современной молодежи // Вестник ТГПУ. № 12.
- Ильдарханова Ч.И. (2021). Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса. Казань: Изд-во Академии наук РТ. 244 с. DOI: 10.51285/978-5-9690-0907-3
- Локосов В.В. (2023). Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1
- Павлюткин И.В., Голева М.А. (2020). Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. № 7. С. 106–117.
- Поповичева И.В. (2014). Социализирующая функция крестьянских обрядов родильно-крестильного цикла (на материале тамбовских традиций) // Вестник ТГУ. № 8 (136).
- Попрядухина Н.Г., Бубчикова Н.В. (2018). Влияние детско-родительских отношений на выстраивание взаимных коммуникаций у детей старшего дошкольного возраста // Азимут научных исследований: педагогика и психология. № 2 (23). С. 347–350.
- Синельников А.Б. (2006). Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Демографические исследования. № 5.
- Синельников А.Б. (2018). Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715
- Синельников А.Б. (2019). Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. Т. 25. № 4. С. 84–92.
- Синельников А.Б. (2021). Демографический переход и семейно-демографическая политика // Социологические исследования. № 10. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013216250017168-7
- Смолева Е.О. (2019). Многодетные семьи в регионе: механизмы эксклюзии и стереотипы // Социологический журнал. Т. 25. № 2. С. 116–137. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6389
- Харчев А.Г. (1964). Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. Москва: Мысль. 323 с.

- Amato P.R. (1996). Explaining the intergenerational transmission of divorce. *Journal of Marriage and Family*, 58 (3), 628–640. Available at: <https://doi.org/10.2307/353723>
- Amato P.R. (2000). The Consequences of divorce for adults and children. *Journal of Marriage and Family*, 62 (4), 873–1307.
- Chen E., Brody G.H., Miller G.E. (2017). Childhood close family relationships and health. *American Psychologist*, 72 (6), 555–566. Available at: <https://doi.org/10.1037/amp0000067>
- Kalmijn M. (2005). The effects of divorce on men's employment and social security histories. *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, 21, 347–366.
- Umberson D., Thomeer M.B. (2020). Family matters: Research on family ties and health, 2010 to 2020. *Journal of Marriage and Family*, 82 (1), 404–419. Available at: <https://doi.org/10.1111/jomf.12640>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Shabunova A.A., Kalachikova O.N.

MODERN RUSSIAN FAMILY: CRISIS OR EVOLUTION

The demographic situation in Russia is characterized by another decline in the birth rate, the persistence of a relatively high mortality rate and population ageing. Over the period of many years of research into the determinants of population reproduction, the family has been identified as the key actor whose functioning affects all demographic processes and the reproduction of human potential. The parameters of the institution of the family directly affect the functions it performs, that is why it is so important to understand and regulate the transformations taking place in the marriage and family sphere. The article analyzes three types of family relations: matrimony, parenthood and kinship. Based on the data of Russian studies and the author's monitoring of the reproductive potential of the Vologda Oblast population, the article reveals the signs of devaluation of the institution of marriage due to the loss of its exclusive right to intimacy and procreation. The key trends in young people's marital behavior is the widespread trial cohabitation and postponing marital registration. Children registration at the parents' joint request contributes to the separation of marriage from parenthood, denying marriage as the basis of the family and a condition for the birth and upbringing of children. Public opinion is loyal to childbearing outside marriage; the share of those who do not consider it obligatory to register a relationship in case of pregnancy and childbirth is growing among both men and women. At the same time, there is a clear demand for involved fatherhood and egalitarianism in the distribution of family responsibilities, as well as a trend towards having planned, consciously realized large families. As for nuclearization, functional ties with the parental family are preserved, the priority shifts toward financial support of adult children. The key priorities of demographic policy are identified as the growth of the prestige of official marriage, which gives socio-economic advantages over single life or cohabitation, the introduction of the concepts of parenthood and grandparenthood labor, primarily for large multi-generational

families, the calibration of information flows that determine the image of family, parenthood, and lifestyle in the public consciousness.

Family, marriage, parenthood, family nuclearization, family institution, devaluation of marriage.

REFERENCES

- Amato P.R. (1996). Explaining the intergenerational transmission of divorce. *Journal of Marriage and Family*, 58(3), 628–640. Available at: <https://doi.org/10.2307/353723>
- Amato P.R. (2000). The consequences of divorce for adults and children. *Journal of Marriage and Family*, 62(4), 873–1307.
- Bagirova A.P., Blednova N.D., Voroshilova A.I. et al. (2022). *Praroditel'skii trud kak resurs rossiiskoi demograficheskoi politiki: otsenki, prognozy, vozmozhnosti realizatsii* [Parenthood as a Resource of Russian Demographic Policy: Estimates, Forecasts, Possibilities of Implementation]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2023). Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.8 (in Russian).
- Chen E., Brody G.H., Miller G.E. (2017). Childhood close family relationships and health. *American Psychologist*, 72(6), 555–566. Available at: <https://doi.org/10.1037/amp0000067>
- Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste natsional'noi bezopasnosti* (2022): monograph [Demographic Development of Russia in the Context of National Security]. Moscow: Prospekt.
- Giddens A., Sutton P. (2018) *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Basic Concepts in Sociology]. Translated from English. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Gura A.V. (2011). *Brak i svad'ba v slavyanskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik.
- Ildarkhanova Ch.I. (2021). *Generativnoe povedenie rossiiskikh muzhchin v usloviyakh demograficheskogo krizisa* [Generative Behavior of Russian Men in the Conditions of Demographic Crisis]. Kazan: Izd-vo Akademii nauk RT. DOI: 10.51285/978-5-9690-0907-3
- Kharchev A.G. (1964). *Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and Family in the USSR: Experience of Sociological Research]. Moscow: Mysl'.
- Kalmijn M. (2005). The effects of divorce on men's employment and social security histories. *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie*, 21, 347–366.
- Lokosov V.V. (2023). Human potential: Conceptual approaches and measurement methods. *Narodonaselenie=Population*, 26(4), 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russian).
- Pavlyutkin I.V., Goleva M.A. (2020). How do families with many children emerge? Typology of parents' transitions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 7, 106–117 (in Russian).
- Popovicheva I.V. (2014). Socializing function of peasant rituals of maternity and baptismal cycle (on the material of Tambov traditions). *Vestnik TSU=Tomsk State University Journal*, 8(136).
- Poprjaduhina N.G., Bubchikova N.V. (2018). Influence of child-parent relations on construction of mutual communications by children of senior preschool age. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya=Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2(23), 347–350 (in Russian).
- Sinel'nikov A.B. (2006). Transformation of family relations and its significance for demographic policy in Russia. *Demograficheskie issledovaniya=Demographic Studies*, 5. (in Russian).
- Sinel'nikov A.B. (2018). Family and marriage: Crisis or modernization? *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*, 24(1), 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715 (in Russian).
- Sinel'nikov A.B. (2019). Demographic self-regulation in terms of population growth and decline. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*, 25(4), 84–92. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6819 (in Russian).
- Sinel'nikov A.B. (2021). Demographic transition and family-demographic policy. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 10, 83–93 (in Russian).
- Smoleva E.O. (2019). Large families in regions: Mechanisms of exclusion and stereotypes. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*, 25(2), 116–137. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6389>

- Umberson D., Thomeer M.B. (2020). Family matters: Research on family ties and health, 2010 to 2020. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 404–419. Available at: <https://doi.org/10.1111/jomf.12640>
- Vishnevsky A.G. (2019). Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. Answer to A.B. Sinelnikov. *Sotsiologicheskij Zhurnal=Sociological Journal*, 25(4), 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820 (in Russian).
- Zmanovskaya E.V., Kartashova T.E. (2011). The structure and content of marriage and family attitudes of contemporary youth. *Vestnik TGPU=Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 12(114), 222–226 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)